

12+ ВОЗМОЖНО
именно сейчас

Фотография
как путь к себе

Евгений Рослов

Евгений Рослов
Возможно именно сейчас.
Фотография как путь к себе

<https://litres.ru/74591107>

ISBN 9785007144858

Аннотация

Фотография — это не просто фиксация момента. Это способ рассказать историю, передать эмоции и заставить зрителя почувствовать то, что скрывается за кадром.

Содержание

Предисловие	7
Введение	16
Фотография как путь к себе	16
Часть I: Колыбель Взгляда	28
Глава 1: Намерение	28
Глава 2: Диалог с собой и миром	43
Глава 3: Вдохновение	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Возможно именно сейчас Фотография как путь к себе

Евгений Рослов

© Евгений Рослов, 2026

ISBN 978-5-0071-4485-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Однажды вы тоже нажмёте на эту кнопку. И не обязательно на камере. Возможно, внутри собственного сердца. А может, вы просто замрётё на секунду дольше обычного, позволив миру наконец-то себя догнать. И в этой внезапной паузе, в этом просвете осознания, вы вдруг разглядите то, что раньше пролетало мимо. Буквально здесь и сейчас, в тени старых деревьев, обрамляющих шумный тротуар.

Перед вами медленно скользит солнечный луч по чьей-то щеке, пробившись сквозь толщу деревьев. Рядом в глубине куста вздрагивает лист после дождя и не от ветра, а от переполняющего его света. В плотной суете перекрестка вдруг вспыхивает чья-то улыбка, и тут же на миг озаряет ваше сознание. И вот здесь же у края аллеи замирает сюжет: взгляд старика, который отпускает ладонь близкого человека, оставляя в своей руке лишь тающее тепло долгого прощания.

Внутри что-то откликается и вы понимаете, что эта секунда теперь принадлежит и вам тоже. Именно в такой миг рождается истинное зрение. Все мы — хранители мгновений, даже если не знаем об этом. Мы прячем их в закоулках памяти, в старых записных книжках, в аромате кофе по утрам, в го-

лосе близкого человека на другом конце провода. Но иногда хочется большего: не просто помнить — а сохранить. Сделать так, чтобы это мгновение могло коснуться кого-то ещё и стать нитью между душами.

Эта книга — о таких мостах. О том, как научиться видеть то, что другие проходят мимо. Как превратить взгляд в диалог. Как превратить случайный кадр в признание, тишину — в песню, боль — в свет. Она родилась не из желания научить, а из потребности поделиться тем, что фотография значит для меня.

Я не писатель по призванию, а всего лишь фотограф — и стал им не потому, что хотел разбираться в сложных терминах, выдержке или диафрагме, а потому, что однажды понял: мир слишком прекрасен, чтобы смотреть на него бегло. Слишком хрупок, чтобы не замечать его трещин. Слишком полон невысказанных историй, чтобы молчать.

Если вы далеки от мира фотографии, не бойтесь. Я расскажу обо всём просто, от сердца к сердцу, без сложных терминов и профессионального жаргона. А если вы уже опытни в этом деле — не закрывайтесь. Эта книга — не только о том, как делать кадры. А о том, как раствориться в моменте, чтобы поймать не просто картинку, а саму жизнь. Я верю, эти страницы помогут вам дышать ещё глубже и раздует то

пламя, которое и так горит в вас.

Давайте начнем это путешествие вместе и шагнем за грань видимого. Туда, где камера перестает быть инструментом и становится зеркалом и ключом к тайнам мира. Где случайный взгляд — целая история. Где лужа на асфальте — окно в другую реальность.

Вы почувствуете, как привычные вещи обретают новый смысл, а случайные мгновения превращаются в интригующие открытия и редчайших озарений, становясь вечным. Это путешествие изменит не только ваши фотографии. Оно изменит то, как вы смотрите на жизнь.

Мой путь начался задолго до первого снимка. Ещё до слов. Ещё до осознания. В детстве, когда отец брал камеру в руки только по большим событиям и праздникам — не как инструмент, а как ритуал. Он снимал не «для галочки». Он снимал, чтобы сказать: «Вы здесь. Вы важны. Этот момент — реален и я хочу его сохранить».

И в один из таких дней, он достал эту шкатулку радости с полочки. Вынул её из кофра, и чтобы я не мешал, вручил мне его в руки. Из темноты кофра на меня дохнуло густым, терпким ароматом старой дублёной кожи, горьковатым машинным маслом и едким запахом металлических опилок.

Это был запах чего-то важного и бесконечно далёкого — так, должно быть, пахнет само время, запертое в тесном пространстве. В благодарность, я сидел тихо, жевал ремешок, чувствуя языком соленый и чуть ворсистый вкус. Глядя на то, как взрослые на миг перестают быть взрослыми. Они смеются, обнимаются, смотрят друг на друга так, будто забыли, что вокруг есть другой мир и суета.

Вдруг — этот звук! Глухой, хищный скрежет взвода — «вж-ж-жик» — металл пошёл по металлу, упруго сопротивляясь пальцу, пока не замер с коротким стальным вздохом. Такой запоминающийся и ни с чем не сравнимый. Словно поворот массивного ключа в замочной скважине старинного сундука.

Секунда тишины, замершее дыхание, когда даже пылинки в луче света, казалось, перестали танцевать. Вдруг резкий, хлёсткий удар затвора. Короткое «кляк!», в котором слились воедино лязг пружины и падение зеркала. И тут же — ослепительный блеск серебристой коробочки, которую отец подносил в тот момент к своему лицу. Вспышка, короткая, как молния, оставляющая за собой лишь теплый шлейф воспоминаний и ещё более мощный всплеск эмоций у взрослых.

Когда всё закончилось, отец аккуратно вложил камеру обратно, и я услышал, как кожаные стенки кофра плотно и мяг-

ко приняли в себя тяжелый металл. В это мгновение я почувствовал: то, что заставлявшая взрослых сиять, теперь заперта здесь, прямо в моих руках. Моё крохотное сердечко заколотилось, отбивая чечётку о рёбра. Я не знал, как шестерёнки цепляются друг за друга внутри, но понимал — это не просто вещь. Это проводник, через который мир вливается в тишину. словно вселенский язык, лишенный букв, но до краёв налитый смыслом.

Язык, на котором можно прокричать о любви, прошептать о страхе или просто замереть перед надеждой, утратой и вечным возрождением. Теперь я видел его повсюду: в том, как упрямое дерево разрывает немую плоть бетона, стремясь к свету. В том, как старик смотрит на море, и в его прищуре проступают тени когда-то поднятых парусов. В том, как капля дождя, прозрачная и хрупкая, замирает на стекле, дрожа от неминуемости падения.

Эта способность — выхватывать живое из потока времени и превращать его в вечность — приковала меня навсегда. С этого дня я жил ожиданием: когда же замок на сумке снова поддастся, и отец вновь возьмёт камеру в руки, выпуская магию на волю.

Свой первый осознанный снимок я сделал в три с половиной года — и это воспоминание такое же яркое и трепет-

ное, словно первый поцелуй. Мы были в лесу всей семьёй. Воздух, густой от запаха хвои и прогретой смолы дрожал под шелестом листвы. Мама улыбается, а я жую бутерброд на поляне, наполненной солнцем и теплом. Отец достал камеру, и его глаза искрились такой любовью, что, казалось, они сами могли экспонировать пленку. Вдруг он протянул аппарат мне:

— «На, Женя. Держи крепче, не урони. Сделай нам с мамой портрет».

Его могучая, мозолистая ладонь накрыла мою крохотную кисть, помогая сдвинуть упрямый рычаг взвода — «хр-р-рык» — и я почувствовал, как внутри стального тела камеры натянулась невидимая жила. Магия стала осязаемой. Тяжёлый, холодный корпус едва умещался в ладошках, металл охлаждал кожу, а пальцы мелко дрожали. Я прильнул к видоискателю: мир сузился до крохотного прямоугольника, но внутри остался всё таким же бесконечным.

Я отступил на пару шагов, стараясь подражать отцовской стати. — Так, смотрим сюда, не шевелимся и не смеёмся, а то получится как всегда! — важно пробасил я, копируя его тон.

И в этот миг мама залилась звонким, заразительным хохотом, запрокинув голову к солнцу. Мой палец, поддавшись

импульсу, рванул спуск — мягкий, маслянистый щелчок поглотил этот смех, запечатав его внутри.

Тогда я не знал никаких принципов и секретов мастерства. Это была простая фотография моих родителей. Но в момент проявки... О, этот миг! Это священнодействие! Отец привел меня в ванную, залитую густым, тревожным багрянцем, как в логове алхимика.

— «Ну что же, давай посмотрим, что у тебя получилось, — уж больно любопытно», — сказал он с лукавой ухмылкой. И внутри всё оборвалось.

Я стоял тихо, затаив дыхание. В белизне бумаги, подрагивающей в растворе, стали проступать серые тени, наливаясь чернильной глубиной контуры, и вдруг — из небытия выплыло лицо мамы и папы. Живое. Смеющееся.

— «По-моему, неплохо вышло», — прошептал отец, и его голос дрогнул.

Я держал в руках ещё мокрую, пахнущую химией и триумфом фотографию. Это было нечто большее, чем снимок — я вырвал у времени кусок вечности.

Эта история — моё начало. С тех пор я ищу ту самую ис-

кренность, которая заставляет сердце пропускать удар. Ведь фотография — это не безупречная техника и не дорогая оптика. Это сердцебиение мира, пойманное в ловушку из стекла и света. Именно оно делает снимок живым даже десятилетия спустя.

И раз вы здесь, раз читаете эти строки — вы уже часть этого ритма. Значит, внутри вас тоже живёт это редкое желание: на мгновение замедлиться. Увидеть скрытое. Запомнить важное. И, наконец, нажать ту самую кнопку, чтобы оставить этот миг навсегда.

Введение

Фотография как путь к себе

Стою у окна, за которым летит белый и пушистый снег. Наблюдаю, как с каждой секундой ветер усиливается, и снег становится всё гуще и гуще. И в этой бескрайней карусели падающих снежинок я ловлю себя на мысли: мы так похожи на них. Мчимся сквозь жизнь, пытаюсь ухватить что-то неведомое — мечту, смысл, любовь. И чем отчаяннее хватаемся, тем быстрее всё ускользает. Немного глупо, ведь в какой-то момент каждый из нас — часть этой суматошной вьюги.

В этом бесконечном беге, в попытке не отстать от ритма метели, мы незаметно для самих себя безвозвратно что-то потеряли. Не вещь, которую можно найти под диваном, а саму способность быть. Быть целиком, без остатка, в одном-единственном мгновении. Ребёнок смотрит на лужу — и видит в ней океан. Взрослый смотрит на ту же лужу — и думает, как её обойти. Где-то между детством и «взрослой жизнью» мы разучились смотреть без цели, без выгоды, без немедленного «зачем». Мы научились видеть мир как задачу, а не как дар. И в этом переходе от чуда к функции, испарилась сама суть присутствия.

Сегодня мы присутствуем в десяти местах сразу и нигде по-настоящему. Смотрим на закат через экран, слушаем смех близкого сквозь шум уведомлений, держим руку любимого — и уже думаем о завтрашнем дне. Мир стал фоном для наших дел, а не собеседником. И самое печальное — мы даже не поняли, что потеряли. Потому что утрата произошла незаметно, по капле, в тишине между щелчками затвора, которые мы делаем не для памяти сердца, а лишь только для чужих глаз.

Фотография как путь к себе начинается с признания этой потери. И с первого шага назад — к тому мгновению, где время останавливается не потому, что вы нажали кнопку, а потому, что вы наконец-то пришли.

Но иногда, мир сам напоминает нам о том, что мы забыли. Не громко. Не требовательно. А почти неуловимо, словно не хочет спугнуть. Именно тогда вы замечаете: мир перешёл на шёпот.

Вы слышите его в едва уловимом треске льда под подошвой — когда каждый шаг становится диалогом с землёй. Ловите его в повисшей паузе важного разговора, где между слов рождается нечто большее, чем смысл — живая тишина. Вы чувствуете его в пронизывающем миге, когда ребёнок вне-

запно перестаёт смеяться — и смотрит на вас совсем иначе, по-взрослому, прямо и пугающе глубоко, будто видит то, что вы сами от себя прячете уже много лет.

В эпоху, где образы льются шумной рекой — тысячи в секунду, без смысла, без дыхания, — настоящая фотография становится актом сопротивления. Сопротивления спешке. Поверхности. Пустоте.

Это не инструмент фиксации, а жест внимания. Тот самый жест, который говорит миру: «Я вижу тебя как есть». Она становится тем мощным инструментом, который позволяет не просто зафиксировать реальность, а ухватить её дыхание. Ту тонкую, почти прозрачную атмосферу, которая трогает за живое, потому что в ней заключена правда момента, а не только его оболочка.

И в этой правде происходит нечто странное: снимок перестаёт быть изображением — он становится прикосновением. Он затягивает внутрь, как волна, унося за собой защитную броню привычки и цинизма. И вот уже в этой глубине вы вдруг ощущаете то, чего давно не чувствовали — словно объятия старого друга, которого вы не видели целую вечность. В этом ощущении — радость узнавания, тихое тепло и едва уловимая светлая грусть одновременно.

Настоящая фотография не просто показывает — она возвращает. К себе настоящему. К тому, кем вы были до того, как научились прятаться за расписаниями и масками «взрослой» жизни. Она напоминает: вы живы. Вы способны чувствовать. Вы ещё здесь.

Это не теория. Это то, что я узнал на собственной коже, через годы. Фотография перестала быть для меня набором технических правил и композиционных приёмов. Она превратилась в способ прямого диалога с миром — в возможность понять и выразить собственные чувства, рефлексия через объектив камеры.

Но у этого диалога два лица и оба равноценны. Порой снимок рождается невероятно просто, буквально сам. Всё что нужно, лишь замедлиться и позволить привычному моменту коснуться тебя.

Вот взгляд матери над спящим ребёнком. Вот дымок, что дрожит над крышей в морозном утреннем свете. Вот пожилая пара, идущая по парку держащаяся за руки, без единого слова.

В такие мгновения мир раскрывается сам, не требуя усилий. Нужно лишь быть здесь и сейчас и всего лишь нажать на кнопку.

Но иногда этот диалог кажется непосильным. Когда свет капризен, когда эмоция слишком сложна, а между вами и реальностью — невидимая бетонная стена. В такие периоды приходится быть хладнокровным охотником, часами наблюдающим и выжидать в тени. Нужно пропустить через себя весь спектр бушующих чувств — нетерпение, сомнение, чтобы в итоге отсеять всё лишнее и оставить лишь чистую искру настоящего. Это уже не подарок свыше. Это труд. Труд души, а не рук.

Именно в этом напряжении между лёгкостью и трудом, между даром и поиском, рождается подлинное мастерство. Умение узнавать, когда достаточно просто быть, а когда нужно пройти через. Умение различать миг, который приходит сам, и миг, который нужно заслужить долгим ожиданием в тишине, перебрав его по частицам и склеив его в то самое целое.

Именно этот путь — от дара к труду и обратно — я иду до сих пор.

Когда-то мои снимки были свободными. Простыми, как детский смех, вызванный падением клоуна на цирковой арене. Ни подтекстов, ни двойного дна.

Позднее я искал себя на ощупь. В ход шли все возможные немислимые приемы. Не считаясь с действительностью, выдумывались странные позы для моделей, громоздились сложные сюжеты в натюрмортах, шла в бой немислимая обработка. И среди сотен этих кадров, меня постоянно не отпускало тягучее чувство упущения важного. Чего того, что жжёт в внутри, как невысказанная любовь. Нет не потому, что я не умел нажимать на кнопку — а потому, что не было понимания как важно быть в моменте. Я оставался гостем на чужом празднике, сторонним наблюдателем тайны, которая разворачивалась прямо передо мной.

Чем сильнее терзало это чувство, тем глубже случалось погружение в «неправильность». Ответы искались в боли и разочарованиях. В тех состояниях, что заставляют смотреть внутрь, когда внешний мир перестаёт давать ориентиры.

Мой путь пролегал по краю первоисточников: потрёпанные книги и альбомы мастеров мировой фотографии, стоял часами перед полотнами в музеях, вслушивался в тишину скульптур, которые говорили больше, чем кто-либо. Всё это — книги, живопись и даже музыка — было нужно не для копирования, а для разгадки: почему мастера видели то, что для остальных оставалось невидимым?

Страницы модных журналов разных эпох пролистывались

не ради гламура. В них искался скрытый ответ, который прячется в зазорах между кадрами. Как рождается атмосфера? Откуда берётся эта магия, когда фрагмент перестаёт быть изображением и становится переживанием?

Порой часами бродил по улицам с камерой, как странник без карты. Вглядываясь в детали там, где остальные привычно прибавляли шаг: в трещину в асфальте, сквозь которую упрямо пробивалась трава; в случайную лужу, впитавшей в себя всё небо; перед взглядом незнакомца в парке — изможденным, но не сломленным. Иногда возвращаться домой без единого кадра, но с ясным чувством: за этот день увидено больше, чем за целую неделю съёмок.

Чувствуя, как каждая новая грань восприятия режет по живому, я обретал не просто знания, а исцеляющий опыт. Опыт того, как боль превращается в понимание, а понимание — в тишину, в которой наконец можно услышать собственное сердце.

Постепенно, пришла ясность: дело не только в объекте, а в том, как ты на него смотришь. Не в том, что перед тобой, а в том, что происходит в пространстве между тобой и миром. Все правила и приёмы у каждого творца убедительны, но часто противоречивы — как и сама жизнь. И именно в этом противоречивом поиске, в этом напряжённом диалоге

между «как надо» и «как чувствую», рождается собственная осознанность.

Навыки перестают быть целью, превращаясь в фундамент. В твердую опору под ногами, на которой строится дом души. Без этой опоры любые стены дома, рухнут от первого порыва ветра. Но важно вовремя вспомнить дом возводится, не ради гордости за то что в нем крепкий кирпич или безупречный бетон. Настоящий дом начинается там, где зажигается золотистый свет в окне. В терпком запахе родного плеча. В той особенной тишине, которая окутывает перед сном.

Так и в фотографии. Техника — это только каркас, голые стены. Душа кадра расцветает за их пределами. Она живет в паузе между вздохом и щелчком затвора. В том неуловимом миге, когда перестаешь «снимать» и начинаешь — видеть.

Как это сделать на практике? Перестать бессмысленно «выдумывать чувства» и позволить им просто случиться. Остановиться. Замереть. Сделать глубокий вдох и спросить себя: «Что я чувствую здесь и сейчас?», затем дать ответу выплеснуться наружу без цензуры и страха. Только тогда камера в ваших руках перестаёт быть прибором для фиксации. Она становится инструментом признания.

Только тогда снимок способен коснуться чужой души —

не потому, что он выверен по линейке, а потому, что он беспощадно, до дрожи правдив. Потому что в нём есть то, чего так отчаянно не хватает нашему шумному миру: тихая уязвимость, голая искренность и твоё полное, никем не замечённое присутствие.

Знаю: у каждого, кто берет в руки камеру, найдется своя особенная история. Та, что вызывает трепет и оживляет воспоминания, будто открывая дверь в комнату, которую давно заперли на ключ из страха или забвения. В моём арсенале таких историй целая сокровищница — и каждая из них, даже самая незаметная, стала для меня маленьким откровением, наполненным глубоким смыслом. Сейчас, рассказывая их, мне приходится копать глубже в свою душу и в воспоминания — не ради эффекта, а ради честности. Потому что только честность способна создать связь между двумя людьми. Только она превращает снимок в универсальный язык.

В этой книге я делюсь не только инструкциями, но и размышлениями. Не о том, как настроить диафрагму или выдержку — об этом написаны сотни книг. Я делюсь тем, как подхожу к процессу создания снимка изнутри. Расскажу, где прячется моё вдохновение, как я научил себя видеть то, что другие проходят мимо. Как превращается случайный взгляд в диалог, тишина — в песню, боль — в свет. Я расскажу о поиске смысла, глубины и сопричастности — не как о набо-

ре приёмов, а как о внутреннем пути, который каждый проходит по-своему, в своём темпе, со своими потерями и обретениями.

И вот вопрос, который я задаю себе до сих пор: можно ли научить кого-то видеть? Или видение — это не навык, а состояние, в которое можно лишь пригласить? У меня нет готового ответа. Но я знаю, что иногда достаточно одного слова, одного кадра, одной вовремя взятой паузы, чтобы в чужих глазах вспыхнуло узнавание.

Эта книга и есть такое приглашение.

Здесь нет окончательных ответов. Но есть пространство для вашего собственного открытия: замедлиться. Вглядеться. Почувствовать. И обнаружить, что камера в ваших руках — это больше, чем инструмент для съёмки мира. Это ключ к двери, за которой живёт ваше собственное зрение.

А что, если каждая фотография, которую мы делаем — это не попытка остановить время, а попытка вернуться домой? К самому себе, к тому мгновению и к той части души, которая ещё помнит, как смотреть на обычную лужу и видеть в ней бездонный океан. Тот самый взгляд, который вы потеряли — и который ещё не поздно вернуть.

Мир всё ещё шепчет. Осталось только научиться слушать.

Часть I: Колыбель Взгляда

Глава 1: Намерение

В детстве мы — это чистая, ничем не сдерживаемая жадность до жизни. Мы не знаем правил, не боимся оценок и не ищем смыслов — мы просто жадно пьем этот мир, ловя каждый блик и каждый звук, не заботясь о том, что будет завтра. Но можно ли сохранить в себе этого искреннего, безответственного ребенка, когда в твоих руках оказывается камера?

Оставляя детство за спиной, мы внезапно обнаруживаем, что мир реальности, как и мир искусства и фотографии пропит невидимыми нитями законов и норм. Они связывают хаос в единое целое, помогая создать гармонию. Важно понять: правила — это не тюремная решетка и не сухие запреты. Это проверенные веками ориентиры. Глубокое знание этих законов дает нам не покорность, а высшую форму свободы — право осмысленно их нарушать, открывая горизонты, которые не видны другим. Незнание же делает нас робкими, без него мы обречены лишь слепо копировать чужие тени, лишая себя возможности найти что-то своё уникальное.

Почему это важно на практике? Потому что, без понимания «почему это работает» вы будете копировать чужие решения слепо. А с пониманием — даже нарушив правило, вы получите осмысленный результат, а не случайность.

Я часто сравниваю правила с маяками в штормовой ночи. Они не заменят вашей решимости плыть, но они — единственное, что осветит путь, когда вокруг станет слишком темно и случайное эхо попытается выдать себя за истину. Однако помните: даже самый яркий маяк мертв и бесполезен, если капитан не знает, в какой порт он держит путь. Можно безупречно выстроить композицию, соблюсти все каноны и выверить экспозицию до сотой доли секунды, но кадр останется немым манекеном, если в нем нет вашей воли.

Именно здесь технический расчет отступает в тень, уступая место главному — Намерению.

Что я имею в виду под «намерением»? Это не дежурное «хочу, чтобы было красиво». Это предельно честный, почти хирургический вопрос к самому себе:

«Что я ищу в этом мгновении? Какую эмоцию я пытаюсь вырвать у вечности и где она прячется: в тяжелом падении света, в мимолетном жесте или в той звенящей тишине,

что повисла между словами?»

Без ответа на этот вопрос вы снимаете лишь холодные объекты. С ответом — вы снимаете состояния.

В гостях у сказки

Троицк, Челябинская обл. 2022 г.

Как только вы четко определяете своё намерение, мир вокруг начинает меняться. Ваша оптика становится уникальной. Вы начинаете замечать то, что раньше было невидимым: как дышит ветер в кронах, как едва заметно дрожит рука человека, как в паузе долгого разговора на поверхность вдруг всплывает правда. Это происходит потому, что вы смотрите уже не просто глазами, а через призму накопленного опыта и воли.

Мой первый осознанный кадр из детства был именно таким. Тогда я не знал о «правиле третей» или «глубине резкости». Но я почувствовал нечто более важное: как время сжалось до размеров фотокарточки, а мир в объективе перестал быть просто «вне», и стал отражением того, что горело внутри.

Через камеру мы не просто фиксируем реальность. Мы обнаруживаем в ней самих себя — те чувства, что жгут, исцеляют или тревожат, делая нас по-настоящему живыми. Когда ваш взгляд превращается в осознанное желание — это и есть рождение пути

Попробуйте прямо сейчас отложить теорию. Возьмите любое устройство — камеру или обычный телефон — и снимите что-то до боли простое: яблоко на кухонном столе, дрожащую тень дерева на скамье, отражение в луже и кошку, свернувшуюся клубком в луче света.

Не стремитесь сделать «красиво». Это ловушка. Задайтесь вопросом: *«Что я чувствую, глядя на это? Тяжесть? Легкость? Одиночество?»*.

Попробуйте передать именно это ощущение через ракурс, свет или момент. Почувствуйте, как ваше дыхание становится

ся глубже, а пульс — чаще. Это внезапное, ослепляющее озарение: мир вокруг до краев полон чуда, если начать смотреть на него по-настоящему. Как раньше. Как в детстве.

Совет 1: Мир бесконечен в своих проявлениях. Ищи не красоту — ищи цель. Когда намерение обретает форму, даже земля под ногами начинает дышать.

Создание фотографии — это настоящее путешествие, полное открытий и незабываемых приключений. Но чтобы оно было значимым, важно чётко понимать свой маршрут.

Художник, прежде чем взять кисть, уже видит картину в своём сознании. Без этого внутреннего зрения мазки будут хаотичны, а холст, сколько бы красок на него ни ложилось, останется пустым. То же самое и с фотографией. Важно определить свою главенствующую цель. Она ваш компас ведущий к желаемому сквозь технические сложности, сквозь сомнения, сквозь шум внешнего мира — к тому единственному кадру, который стоит снять.

Этот замысел определяет ценность снимка и его глубину. Он помогает не просто зафиксировать реальность, но передать зрителю то тонкое, неуловимое чувство, что превращает обыденность в нечто исключительное и значимое, как тихая слеза отца на громком застолье, восхищение в момент

страха или желания полета во время взгляда на бескрайние облака над горами.

В этом заключена сила фотографии. Она не просто запечатлевает — она заставляет нас переживать, вспоминать, думать... и таким образом рождать новые миры в своём разуме и сердце.

Щелчок затвора — лишь финал. Сам снимок рождается задолго до него — в момент, когда вы задаёте себе главенствующий вопрос: *«Как передать желаемое чувство через объектив? Как сделать так, чтобы кадр не просто зафиксировал реальность, а пригласил зрителя к размышлению без слов?»*.

Вовремя задать самому себе тот самый вопрос, уже становится важным инструментом в фотографии.

Для меня это понимание стало ключом к созданию собственного «Чёрного квадрата». Название — это ироничный поклон Малевичу. Но если у него квадрат — это бездна и небытие, то у меня — это сама земля, из которой рождается всё.

Этот кадр зародился в моей голове, однажды весной на даче. Воздух был пропитан той особой, острой свежестью,

от которой кружится голова. Я смотрел сквозь оконное стекло на свежую, только что вспаханную почву. В ней была безмолвная пустота и одновременно — великое таинство зарождения жизни. Мне до боли хотелось сохранить и интерпретировать это чувство по-новому: хрупкую грань между ничто и всем.

Я набрал мешок этой земли и привез её домой. Рассыпал на столе, выставил свет, зашторил окна. Но ощущение ускользало. Я пытался снимать почву через пустые деревянные рамы, надеясь повторить тот вид из окна, но кадры выходили мертвыми. В них был объём, была фактура, но в них не было жизни. Наступило то самое глухое разочарование, когда замысел никак не хочет оживать в объективе.

В поисках решения бросил всё решив отвлечься от процесса. Начал мерить комнату шагами, пытаюсь унять внутренний гул. И случайно заглянул к дочери. Алиса была полностью поглощена своим миром: она вырезала фигурки из яркой цветной бумаги. Глядя на её сосредоточенное лицо, на то, как в её маленьких руках из хаоса рождается нечто новое, я вдруг замер.

«Вот же она — жизнь!» — пронеслось в голове.

Это стало ключом к закрытой двери. Я взял несколько

цветных листов бумаги, проделал в них отверстия, и использовал их как яркое обрамление для этой холодной, черной земли. Свет выстроил из трёх точек: две залили пространство мягкостью, а третья — резкая, направленная — ударила в самый центр. Она проявила характер каждой крупницы почвы, вырвав из тени её графичность.

Безусловно можно было сделать иначе. Но эти манипуляции служили единому желанию передать ощущение, возникшее в тот самый момент на даче. Цветной фон здесь не украшение, он стал пульсом, задавая динамику. А форма естественным образом усиливает эффект присутствия жизни. В результате зритель поначалу испытывает желание вырваться из лабиринта мыслей, вызванного кадром. Но чем дольше он вглядывается, тем больше замечает новых простых форм, которые приковывают внимание и рождают озарения.

Жизнь — не в пустоте, а в том, как мы её обрамляем.

Этот эксперимент породил целую серию. Работа стала настолько знаковой, что позже она перешагнула границы реальности и попала в квест-игру «Let's find it». Разработчик, почувствовав в этой эстетике близкий ему отклик. Отныне виртуальные полотна стали частью виртуальных пространств, где такие же творцы, как мы с вами, заняты своим поиском. Это удивительное чувство — знать, что твое Намере-

рение, рожденное из мешка земли на столе, вдохновляет людей по всему миру общаться и пережить свой собственный момент озарения.

Но всё же главное то, что этот проект стал напоминанием. Важно быть внимательным к своей цели, искать путь к ней и не бояться экспериментировать. Именно в процессе выстраивания ключевого поиска мы и находим самые интересные и глубокие идеи, которые способны тронуть умы и сердца зрителей.

Когда цель ясна, даже горсть земли может стать историей, в которой умещается вселенная.

Совет 2: Не спеши. В каждом кадре таится своя глубина, которую невозможно понять в спешке. Начни гармонично помещать привычное в непривычное — но прежде всего это следует делать в своём восприятии.

Фотография — это не просто фиксация реальности. Это исследование, отправляющее в путешествие по собственному восприятию. Оно позволяет открывать новые грани реальности и самих себя, погружаясь в бесконечные глубины разума и эмоций.

В момент, когда камера оказывается в наших руках, в го-

лове уже должен звучать громким голосом тот самый вопрос:

«Что придаст этому кадру изюминку? Когда нажать на спуск?».

Этот вопрос помогает нам не просто задуматься. Он помогает предугадать результат, заставляя «шестерёнки» в уме прокладывать наилучшим способом маршрут к ещё не случившемуся моменту. Встать, замереть, сделать шаг назад или почти коснуться земли, выверяя дистанцию. Сделать всё, чтобы оказаться вплотную к этому неуловимому мигу.

Вы, наверняка, видели фотографов с широко открытыми глазами, которые лихорадочно жмут на кнопку кружась вокруг модели словно в танце. Так вот это не просто танец — это поиск ответа на тот самый вопрос.

На заре карьеры я работал фотографом в одном из городских журналов. Редакция часто подбрасывала сложные задачи, к которым я не всегда был готов. Правила диктовали свое: либо ты берешься, выполняешь и получаешь опыт с гонораром, либо сидишь голодный и с пустыми руками. Я всегда выбирал первое.

Черный квадрат. Дыхание вселенной

2023 г.

Помню, как мне поручили снять для рекламной статьи автомобиль. Уверенный в своих силах, безоговорочно взялся за работу. Новенькая машина, только что сошедшая с конвейера, сияющая как звезда. Эти мысли вызывали приятное предвкушение съёмки. Однако восторг быстро сменился тревогой, когда я осознал реальность: автомобиль заперт в тесном автосалоне, выкатить его на улицу невозможно, а места и условий, чтобы выставить правильный свет, попросту нет.

В голове крутился один вопрос: *как сделать так, чтобы машина осталась в центре внимания, а всё лишнее и случайное исчезло из кадра?*

Сначала начались те самые «танцы» вокруг машины. Я сделал несколько общих снимков, чтобы показать, как она выглядит снаружи, потом внутри, детали отделки. Всё «как надо». Фотографии подходили для статьи, но внутри оставалось чувство пустоты, фотография словно не вызывала вопросов.

Я остановился. Перестал нажимать на кнопку. Просто стал смотреть. «Зачем я здесь?» Вглядываясь под разными углами. И вдруг увидел, как в крохотной эмблеме, мелькнуло чьё-то отражение. Это был менеджер, который с любопыт-

ством наблюдал за моей работой издалека.

— Извините, — обратился я к нему, — вы не заняты? Мне нужно сделать необычную и желательно хорошую фотографию... и мне бы не помешала ваша помощь.

Он оживился. Его глаза загорелись — не от обязанности, а от возможности стать частью чего-то большего. Мы договорились: он пройдёт мимо машины и откроет дверь соседнего авто. И как только он подошел в этот миг луч света скользнул по кузову и вспыхнул в эмблеме. В отражении появились и он, и второй автомобиль. Кадр стал не о машине. Он стал о желании, движении, связи между человеком и объектом.

Это было не совсем то, что я планировал изначально, но стало тем самым штрихом, который всё изменил. Редактор был доволен. Читатель вовлечён. Каждый кадр в статье словно вёл читателя всё глубже от внешнего к внутреннему, от формы к смыслу. Но самый важный урок я унёс с собой.

Даже в самых тесных рамках можно найти свободу и необычное решение, если помнишь, зачем ты здесь. Важно сфокусироваться и начать искать. Потому что именно в этом вопросе — и рождается цель. А в цели — смысл. Поэтому, прежде чем нажать на спуск, спроси себя: «О чём будет этот кадр?»

Фотография требует мужества не просто смотреть, но и погружаться в глубину восприятия. Этот навык приходит не с покупкой новой техники, а с практикой внимания — именно в нём скрыта истинная магия. Она позволяет нам видеть мир глазами художника, превращая обыденное в необычное, а повседневное — в вечное. И чтобы к этому прийти важно научиться не просто фиксировать факты, но и чувствовать, интерпретировать, понимать.

Фотография учит нас хрупкому равновесию — искусству быть одновременно и дерзким творцом, и смиренным наблюдателем. В этом балансе между созданием нового и чутким созерцанием мира рождается искренность. Именно здесь, в гармонии между вашим внутренним «я» и внешним миром, и рождается настоящее искусство. И когда вы ловите этот ритм, начинается самое интересное — ваш личный, глубокий диалог с реальностью.

Улица слепых

Анталья, Турция 2018г.

Глава 2: Диалог с собой и миром

Совет 3: В портрете нет лица — есть дверь. Смотри не на черты, а в ту щель между ресницами, откуда сочится душа.

Удивительно, насколько глубоко фотография прорастает в нас, меняя и того, кто за камерой, и того, кто перед ней. Восприятие кадра всегда индивидуально: кто-то видит лишь яркие пятна, кто-то пытается разгадать зашифрованный смысл, а кто-то и вовсе проходит мимо, не найдя отклика. Но всё это меркнет перед тем, что происходит в момент самого творчества.

Там, где объектив ловит застывший миг, для меня раскрывается мир полный света, теней, вопросов и звезд, которые не видны постороннему глазу. В такие моменты снимок перестает быть просто изображением. Он становится предельно честным диалогом с самим собой — посланием, адресованным тем, кто готов не просто смотреть, но и видеть.

Как это происходит на практике? Я снимаю не «объект», а свой вопрос к миру. При отборе кадров, я ищу не «самый резкий» или «самый яркий», а тот, где этот вопрос звучит чище всего. Порой даже технически и композиционно про-

валенный снимок, оказывается самым ценным, потому что в его дрожании чувствуется жизнь, дыхание и правда момента. Именно такой кадр становится ключом к новому поиску.

Работа над снимком захватывает меня целиком. Всё начинается с первой искры идеи — той, что пульсирует в груди, — и перерастает в чёткое видение будущего кадра, наполненного надеждой и смыслом. От щелчка затвора, когда время замирает на долю секунды, до финального выбора, где каждое решение здесь ощущается, как удар сердца или осторожный шаг по тонкому льду между замыслом и реальностью.

Фотография обогащает реальность бесконечными сюжетами и развивает способность видеть мир во всей его глубине и многослойности. Через неё я учусь замечать то, что исчезает под равнодушным взглядом, будь то слеза под дождём или пустой стул у окна, где ещё вчера сидела бабушка.

Каждый человек, каждая сцена — это потенциальная история. Фотография даёт мне возможность не просто увидеть её, но и остановить, оформить, и поделиться своим видением. Вдохновлять, тревожить, провоцировать на размышления. Она — мой язык. Мой шёпот души между внутренним и внешним.

Но главное, фотография помогает познавать и себя самого. Даже не будучи в кадре, я всё же отражаюсь в нём, как в зеркале, полном правдой. Через снимки я вижу свои сильные и слабые стороны, свои страхи и надежды. Фотография учит меня так же, как и зрителя принимать себя таким, какой я есть — со всеми своими особенностями и противоречиями. Она становится путеводной звездой, указывающую путь к самопознанию и самовыражению.

И, пожалуй, именно в этой открытости заключается ещё одна сила. Не бояться быть собой. Не прятаться за масками, а смело демонстрировать свою уникальность миру. Фотография — это способ сказать: *«Вот он я — со всеми своими мыслями и чувствами. И я не боюсь быть собой»*.

Именно эта искренность становится тем магнитом, что притягивает людей. Они начинают видеть в моих работах что-то личное, сокровенное — и при этом своё. В этот момент снимок становится зеркалом не только для меня, но и для каждого зрителя.

Совет 4: Не гонись за чужими трендами и идеальными техническими параметрами. Ищи свой голос, свою правду, свою уникальную перспективу. Самый сильный кадр — тот, который ты ещё не сотворил, но в котором уже видна твоя душа.

Фотография — это не просто искусство, это диалог. И я рад быть частью этого процесса, стремясь не просто отражать, но и преобразовывать реальность. Искать скрытые смыслы, поднимать вопросы, заставляя задуматься.

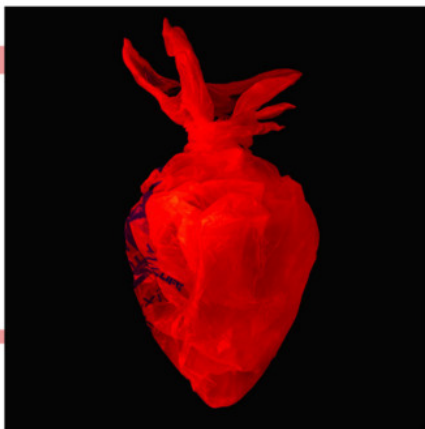
Этот поиск правды неизбежно заставляет меня смотреть шире, за пределы личных раздумий. Ведь диалог с миром — это не только созерцание гармонии, но и готовность расслышать голос там, где другие видят лишь тишину или повседневный шум. Иногда метафора жизни рождается из самого невзрачного предмета, если за ним стоит живая, неприкрытая человеческая судьба.

Для меня фотография — это ещё и способ не оставаться в стороне. Это возможность подсветить те углы жизни, мимо которых люди привыкли проходить, ускоряя шаг.

Я верю: когда ты даешь голос чьей-то беде или молчаливой борьбе, снимок перестает быть просто картинкой. Он становится протянутой рукой. Именно поэтому людские судьбы — мой самый честный источник вдохновения. В них нет фальши, только жизнь, как она есть.

Многие работы переплетаются с личными переживаниями и отчасти могут быть не до конца понятны с первого

взгляда. Но за каждым кадром, так или иначе, скрыта пережитая эмоция, которая со временем обнаруживает себя.

Сердце
2024 г.

Так, например, появился снимок «Сердце». Сюжет, где простой пакет в одночасье обрел узнаваемую форму. Это визуальная история, конкретного человека, который, погнавшись за успехом, потерял себя и в итоге перенес операцию на сердце — боль, что эхом отозвалась и во мне. Этот кадр родился в тот момент, когда я был ошарашен услышанным. Снимок стал визуальной формой поддержки, моим безмолвным: *«Держись, ты не один, мы вместе»*.

В кадре пакет выглядит небрежно, почти мусорно. И в

этом была суть. Он символ чего-то повседневного, мимо чего мы проходим каждый день, не замечая. Это олицетворение той новой, искусственной, но отчаянно живой части, которая теперь бьется в груди этого человека, возвращая ему право на вдох.

Но если снимок «Сердце» требует времени, чтобы открыться зрителю, то в моей копилке есть иной кадр — «Не смог». Это снимок который бьёт наотмашь. В нем меньше художественных игр, но больше обнаженной правды. На фото — обычная информационная табличка, которая когда-то с гордостью носила имя института.

Эта история случилась внезапно. Гуляя по городу, частенько беру с собой камеру — это помогает не замаливаться взгляду от повседневных сюжетов и создавать фото зарисовки. В тот день я проходил мимо здания, которое когда-то было наполнено голосами, а теперь стояло немым. Тысячи людей ежедневно пробегают мимо, не поворачивая головы, и я был одним из них. Но в этот раз что-то заставило меня замереть.

Я подошел ближе, вглядываясь в пыльные окна бывшего величия. Когда-то здесь кипела жизнь, в коридорах стоял гул голосов, рождались идеи. Теперь за стеклом царил разгром. Трещины на стенах расползались, как морщины, а заколо-

ченные ставни казались крышками гигантских гробов, кричащими о том, что ничего уже не вернуть.

Я достал камеру и начал медленно фиксировать эти следы былого величия. Примерно через полчаса ходьбы по периметру, тишину съёмки прервал охранник. Он вышел из своей тесной будки, хмурый и настороженный.

— Что снимаем? Зачем это вам? — спросил он, пытаясь казаться строгим

Я ответил честно, без лукавства: — Я учился здесь. Нахлынула ностальгия, пришел поклониться месту силы, а увидел... вот это. Снимаю для себя на память и для своих сокурсников. Чтобы помнили, как оно было и чем стало.

В глазах охранника что-то дрогнуло. За напускной суровостью проглянуло простое человеческое добродушие. Он мельком глянул на дисплей моей камеры, горько ухмыльнулся и сухо бросил: — Удали... и уходи отсюда. Не трави никому душу.

Внутри жгла досада, но я не мог оторвать взгляда от экрана. В голове набатом стучал вопрос: *«Как можно было в одночасье загубить такого гиганта?»* Пятиэтажная громадина, производственные цеха, общежития, площадь в

несколько футбольных полей — и всё это превращено в труху. Как передать этот масштаб? Как объять необъятное и донести до людей колоссальную потерю целого города?

Оглядевшись, я рискнул. Страх и творческое рвение перекрывали друг друга, но я всё же подошёл почти вплотную к центральному входу. И в этот миг я увидел её.

Визитная карточка института — массивная табличка с названием, которая десятилетиями встречала студентов у главного входа. Теперь она валялась в грязи и обломках, растоптанная и забытая.

В горле встал ком, внутри меня задрожали слёзы. Вот он, сюжет. Не нужно снимать гектары развалин — достаточно показать это имя, втоптанное в землю. Оно расскажет всё само за себя.

Вечером того же дня я опубликовал этот кадр. И не ожидал такого резонанса, но снимок взорвал местные СМИ, вызвал бурю обсуждений и в итоге дошел до первых лиц области и страны.

Не смог
2021 г.

Этот опыт в очередной раз открывал понимание того, что иногда самый сильный кадр — не тот, что показывает всю картину, а тот, что передает её через деталь. Не разрушенное здание, а табличка в грязи. Деталь работает как метафора, а метафора всегда сильнее документа. Этот кадр доказал мне: когда перестаешь гнаться за идеальным светом и начинаешь снимать свою боль — мир замирает, чтобы тебя выслушать.

Фотография — это не просто зеркало реальности, а рычаг, способный сдвинуть мир, ему под силу влиять на важные решения. В верных руках она становится и щитом, и оружием в борьбе за справедливость. Каждое нажатие на спуск несет в себе невидимый груз ответственности за то послание, которое отправится в вечность. Но самого важного происходит

не в камере, а внутри самого человека — в этом и кроется величайший дар.

Замечать то, мимо чего пробегают другие, — это не просто навык, это состояние души. Это бескрайний путь, на котором нужно иметь смелость доверять интуиции так же слепо, как и ремеслу.

Помните: ваша работа не должна просто «впечатлять» техникой. Она должна заставлять зрителя замирать, наполнять его и вдохновлять на собственные открытия, делать жизнь чуточку ярче.

В искусстве нет конечной станции. Как только вы решите, что поняли всё — вы проиграли. Постоянный поиск и готовность признать своё незнание позволяют создавать не просто «картинки», а произведения, в которых пульсирует жизнь. За каждым удачным кадром всегда тянется дорога к следующему, ещё не случившемуся открытию.

Совет 5: Каждый профессионал сначала был любителем. Ошибки — это не провал, это ступени. Не бойся снять что-то непривычное, если чувствуешь в этом правду. Мастерство рождается не из идеальных условий, а из умения превратить свою досаду и боль в визуальный манифест.

Мыслитель
2023 г.

Глава 3: Вдохновение

Откуда берется то самое желание — созидать и фиксировать? Что именно пылает внутри каждого из нас в тот миг, когда рука тянется к камере? Мы часто ищем ответы в технических параметрах или внешних красотах, забывая про то самое — вдохновение. А оно зарождается, как и всё в этом мире, не из пустоты. Оно прорастает там, где наше внутреннее «я» внезапно узнает себя в отражении действительности.

Совет 6: «Вдохновение — это не награда за поиск, это эхо твоего внимания к миру».

От студийных портретов для каталогов до репортажей и дорожных зарисовок, я везде стараюсь разглядеть и запечатлеть ту самую «маленькую жизнь» в большом мире. Внимание к деталям: их причудливая демонстрация, надменное игнорирование или неуловимое присутствие — всё ради создания нужной атмосферы.

Иногда это, стандартный подход: простая фиксация ранее не виданного мною факта, — честная, но сухая. Такие снимки всё больше остаются «на полке». Но когда включается синтез знаний, эмоций, интуиции и осознания, рождаются работы, которые находят сильнейший отголосок. Потому что

несут в себе не просто личное, в них есть нерв. Это внутреннее напряжение становится топливом для профессионального поиска.

Каждая новая задача — это вызов и возможность переосмыслить мир через множество взглядов. Это поиск новых тем, новых героев и новых способов рассказать истории. Это то, что делает не только счастливым, но и помогает расширить границы понимания.

Каждый мой проект превращается в путешествие в неизведанное. Он подобен восхождению на высокую гору. Где каждый шаг требует концентрации и колоссальных усилий. Но с каждым метром труда, открывает всё более захватывающий и трогаящий за живое вид. Вид на мир, на людей, на красоту, окружающую нас повсюду. В этом восхождении я стремлюсь не только запечатлеть увиденное, но и передать свои чувства, переживания и собственное понимание этого.

Но честный взгляд на мир не позволяет видеть только эстетику — за каждым захватывающим видом может скрываться невидимая трагедия. Так одно восхождение привело меня не к безмятежной вершине, а к обрыву — к месту, где привычный пейзаж внезапно обнажил свою рану. Это был момент истины: я понял, что вдохновение может приходить не через восторг, а через потрясение. Оно способно ворвать-

ся в жизнь как удар, — когда ты что-то любил, оказывается уничтожено чужой беспечностью, оно способное пробудить молчаливый крик.

Мусор, который человек оставляет повсюду, с ранних лет саднил во мне, как тупая заноза. Смесь огорчения и липкого чувства несправедливости: *почему мы так циничны к самим себе?* Но если в подростковом возрасте это недовольство было лишь фоновым шумом, то однажды оно переросло в настоящий внутренний взрыв.

Это случилось на Гумбейке — небольшой речушке, притоке Урала, куда мы частенько выбирались друзьями и семьями. Как только сходил лёд, и прелая земля начинала выдыхать первое тепло, мы как обычно по приезду ждали привычного ожерелья из рыбаков вдоль берега. Но в тот день, на километры вокруг не было ни единой души.

Вместо терпкого запаха пробуждающейся весны, нас встретила непереносимая вонь. Вода, затянутая белой пеной, напоминала грязные мыльные хлопья, а в воздухе стоял смердящий запах тухлятины. Я побрел вдоль кромки берега. Под ногами вместо привычного хруста прошлогодней травы ощущалось что-то склизкое.

Картина была пугающей: в стеблях осоки, словно запутав-

шись в сетях, догнивал малёк. А дальше — крупная рыба, выброшенная на берег. Она иссыхала на солнце, застыв с широко распахнутым ртом. Чешуя, потерявшая блеск, казалась наждачной бумагой. Этот безмолвный, застывший крик вызывал физический холод, пробегающий по позвоночнику.

Тихий крик реки
с. Наваринка, Челябинская обл 2013г.

Наш отдых рассыпался в прах, осталась только глубокая досада. Досада за эту беззащитную воду — ту самую, что течет в наших кранах. Позже в новостях сухо подтвердят: отравлена одна из водных артерий Европы, птицеводческий комплекс слил нечистоты. Это потрясение — когда личная память о чистой реке столкнулась с реальностью экологической катастрофы. Среди смрада и белой пены, я перестал быть просто наблюдателем.

Вдохновение не всегда прячется в бездонных глазах незнакомки, в лучезарных пейзажах или в бирюзовой глади моря. Порой оно вспыхивает в самом непримечательном контрасте нашей жизни. В темноте комнаты, среди боли и утрат, в тишине мёртвой рыбы, чей немой крик громче любых лозунгов.

Но не стоит бояться таких контрастов проявлений жизни, они рано или поздно настигают каждого в неподходящий момент. Куда страшнее схожего столкновения — последующее равнодушие.

Совет 7: Ищи уникальное в простом, будь рассказчиком, а не просто фиксатором действительности. Даже трещина в асфальте может стать рекой, если ты почувствуешь её пульс. Искусство — не в том, что ты видишь, а в том, как ты дышишь вместе с ним.

Для меня ошеломительная встреча с экологическими сюжетами и мысль о мире включили не просто рубильник идей, а толкнули на создание большего. Создаваемые мной снимки, как и приходящее в жизнь, были разнообразны по форме и приёму, но связаны единым лейтмотивом. Эта тема, которая показывает, каким разрушительным может быть человек и как легко мы губим живое вокруг порой не замечая, что

разрушаем и себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.